

Заметки Простодушного (1861)

Глібов Леонід Іванович

I

Грустно мне было покидать мои родные хутора — «приют спокойствия, трудов и вдохновенья», где я провел самые лучшие годы моей жизни вдали от суеты большого света.

Там я страдал, там я любил,
Там сердце я похоронил.

Во сне и наяву видятся мне цветущие степи моей прекрасной родины: «Ах, какие виды! Ах, какая роскошь!»— сказала бы наша иная барыня, глядя из окна своей комфортной кареты. И действительно, есть на что посмотреть, есть чем полюбоваться! Вообразите себе хоть эту картину: кругом раскинулись пестрые поля, дышащие свежестью и ароматом. Вдали за широкою долиною синееет гора. Чем ближе подходишь к ней, тем реже и реже становится синева дали, скрывающая от глаз живописный вид этой горы. Повинуясь нетерпеливому любопытству, невольно идешь вперед, как будто знаешь, что под дымкою сизого тумана скрывается прекрасная картина. И действительно, когда, наконец, приблизишься к горе, нетерпеливым взорам открывается красивый ландшафт. Между группами живописно разбросанных кустарников и разноцветными полосами нив подымается по горе извилистая дорога и теряется в ее зеленой вершине. Там вы видите скромную хижину, окутанную душистою черемухою и кудрявыми березами. Направо, по скату горы, раскинулась зеленая роща, обширная и прохладная. На опушке между отростками дерев пасется одинокая лошадь, неподалеку лениво дремлет пара рабочих волов, греясь лучами весеннего солнца. Вблизи рощи по зеленой полосе сенокоса рассыпалось пестрое стадо овец. Под тенью одинокой ивы сидит пастух в соломенном бриле и наигрывает на свирели унылую песню своей родины. Налево, почти у подножия горы, видно несколько белых чистеньких изб, живописно сгруппированных между зелеными садами. Эта маленькая деревушка, отличаясь малороссийского чопорностью, живо изображает вам спокойную, неприхотливую жизнь ее трудолюбивых обитателей. Так и хочется позавидовать их скромной доле... У самой горы протекает светлая речка, и в ней, как в зеркале, отражается деревушка с своими цветущими садами. За рекой, как бархатный ковер, расстилается широкий луг и теряется в тени отдаленного леса... Задумчиво и долго глядишь на эту чудесную картину и все как будто не нагладишься на нее — так хороша она. Посмотрели бы вы на эту местность в летнюю лунную ночь — какое благотворное спокойствие объяло бы душу вашу.

Ночь тиха, природа внемлет богу,
И звезда с звездою говорит...

Я живо помню один хуторок с «вишневым садочком», скромно приютившийся в веселой ложбине. Там в уютном домике с соломенною крышей жило патриархальное семейство, в кругу которого, как цветок, взлелеянный природой, развивалась и расцветала беззаботная Машенька:

Какая ты хорошенькая, Маша,—
Любуясь ею, говорил папаша.

Как теперь, вижу ее свеженькое личико с румяными щечками, розовые, красиво очерченные губки, ясные, как весеннее небо, ее глазки...

Клянусь полночною звездой,
Лучом заката и востока,—
Владетель Персии златой
И ни единый царь земной
Не целовал такого ока.

Частенько ездил я в любимый хуторок на своем доморощенном рысаке. Там, внимая лепету моей наивной Ундины (так называл я Машу), я забывал все на свете... Бывало, выйдем в садик слушать соловья — и не слышим, как он, воодушевленный весной, заливается звонкой песнею.

— Что, если бы я разлюбила вас? — спросила однажды Ундина.— Вы бы плакали?

— Нет, не плакал бы,— отвечал я по-рыцарски.

— В самом деле?

— В самом деле.

— Значит, у вас нет сердца...

— Да, для тех, кто может разлюбить, у меня нет сердца,— отвечал я с серьезною миной.

— Ах, простите меня, дружочек! Я сказала это шутя!

— Ну, если шутя...

— Так вы не сердитесь на меня? — говорила Ундина, склонившись головой ко мне на грудь.— Поцелуйте же меня...

И затем, в знак примирения, раздался звучный и страстный поцелуй.

— Нехай нашим врагам буде тяжко! — говорила Ундина в заключение.

Случилось как-то, что я несколько дней не посещал любимого хуторка. Вот что написала мне тогда моя Ундина:

«Мой милый друг!

Хотя я, может быть, и недостойна называть вас другом, однако ж осмелилась потому что иначе и не считаю вас, как ни другом, вы хотя, может и ни хотели бы этого, но я потому называю вас другом что мы прежде были друзья с вами, ни знаю, как вы теперь шчитаете миня, но я вас так шчитаю, что если вас ни вижу друг мой так готова умереть; вы я думаю ни поверите етому, что я за вами умераю; мне кажетца, вы в люблены в Катю, но это разумеетца, в вашей воле любить ково вам угодно только я вас буду просить не оставляйте ж и миня бедной, еслиб вы миня хоть в десятую часть любили против того, что я люблю вас, ни могу я вас забыть по гроб своей жизни люблю вас до бизумия да и только. Ни забудьте ж и миня моя дуся а я вас ни забуду никогда. Напишите ко мне душечка моя хоть два слова; этим вы меня заставите больше любить вас; да еще вас буду просить за одно — приедте дуся моя милая во вторник или в среду к нам хоть на минуточку... кавун еще есть один, батька моего ни будет дома. Сделайте милость, ни забивайте миня... надеюсь, что ваше сердце очень доброе, с коим остаюсь вам навсегда верна и нелицемерна — Мария С.».

Но я увлекся воспоминаниями о давно минувших днях и позабыл, для чего я взялся за перо. Пора любви, это золотое времечко, бывает только «во дни надежды и желаний», вот почему я с такою охотою разговорился о нем.

Чредою всем дается радость.
Что было, то не будет вновь...

При расставанье я обещал моим друзьям вести свои заметки,— записывать в памятную книжку все, что придется пережить и перечувствовать,— одним словом, составлять летопись пережитых впечатлений. Грустно подумать, что на страницах моих заметок будут одни только горькие истины. Другой Ундины уже, верно, не будет.

Погасший пепел уж не вспыхнет...

Разные невзгоды жизни охладили мое сердце, и я уже не способен к горячему увлечению.

Иные хладные мечты,
Иные строгие заботы
И в шуме света, и в тиши
Тревожат сон моей души.

В одно прекрасное летнее утро сидел я на бульваре и грустил, по обыкновению. Запах цветущих лип напоминал мне ароматные степи моей родины, пчелы жужжали, усердно собирая нектар из цветов, и мне чудилось, что я сижу в уединенной пасеке, окруженный пестрыми нивами пахучей гречихи... Вдруг кто-то положил мне руку на плечо и прервал мои мечтания.

— Здравствуйте, пане Простодушный!

— А, мое вам низайшее! Откуда вас бог принес?

— Приехал к вам из Ноздревки по делам,— отвечал мой знакомый.

— Как же вы поживаете в своей Ноздревке?

— А так, живем собі, як горох при дорозі, хто схоче, той і скубне...

— Разве и теперь еще скубут? — спросил я.

— Да еще как! Вот вы, например, сшили себе летний костюм, да и знать никого не хотите, а у нас и это не всегда удается!

— Как это так?

— А вот слушайте. Есть у нас становой пристав, г. Махайлов, страстный охотник до всяких приношений. Все это бы еще ничего, и предшественники его были склонны к этому, но он удался почище других. Поручил я однажды знакомому еврею купить для меня в городе у Куликова несколько фунтов чаю и парусины на летний сюртук. Привозит еврей мою покупку — и что ж вы думаете? — становой налетел, как ястреб, и забрал все в свои руки. «Это,— говорит,— контрабанда, я тебя, мошенник, в тюрьму!» Что станешь с ним делать... жид струсил. Видим мы чрез несколько дней — становой наш прохаживается в сюртуке из конфискованной парусины. Это еще, батенька, пустяки, а вот я вам расскажу одно дельцо возмутительное. Г. Махайлов очень любит свежую рыбу. Вот и приказывает рассыльному

достать рыбки. Рассыльный, по фамилии Червяк, человек смышленный, достал ему рыбки. Чрез несколько времени становой снова кричит: «Подавай рыбки!». Червяк метнулся туда-сюда — нет рыбы, должен был поехать в г. Остер и купить за свои деньги его благородию свежей рыбы, во избежание всякой беды. Спустя немного становому опять захотелось рыбки, а время, знаете, было такое, что ни за какие деньги нельзя было достать рыбы. Червяк и говорит: «Невозможно, ваше благородие, достать теперь рыбы — не ловится!» — «Как ты смеешь говорить мне это? Чтоб была рыба!» — крикнул становой. «Как вам угодно, ваше благородие. Истинно говорю вам, нельзя достать рыбы». За такие грубые речи становой схватил линейку и давай колотить рубезом по рукам Червяка, избил ему руки страшнейшим образом. Червяк подал жалобу, приложив свидетельство от врача, который показал, что побои, нанесенные Червяку, очень значительны и требуют продолжительного лечения.

— Ну те, что же становому за это? — спросил я с нетерпением.

— Ровно ничего! Дело покоится без всякого движения. Бедный Червяк просил одной милости — уволить его от должности.

Ведь он червяк в сравненьи с ним,
С таким могучим становым.

Взволнованный рассказом моего знакомого, я долго не мог успокоиться. «Что, если бы, — подумал я, — правдивый начальник серьезно взглянул на это дело и громовым голосом произнес роковые слова: «А показать мне дело Червяка, а подать сюда станового Махайлова!» Какая бы разыгралась славная и вместе поучительная драма».

II

Справедлива поговорка: хорошо там, где нас нет. Есть у меня один друг и товарищ, с которым провели мы самые цветущие годы молодости, сидели вместе на университетской скамейке, вместе восхищались красотами наших ненаглядных приднепровских местностей, вместе приволакивались за милыми созданиями, воспевая их наивные прелести самыми сладкими стихами, — и никогда не расходились в убеждениях... Но розовые дни прошли, как сновидение, последний университетский экзамен окончился, пред нами раскрылось широкое поле жизни — и мы призадумались: куда, по какой дороге идти нам, где найти такой счастливый уголок мира, чтобы душа, взлелеянная самыми чистыми убеждениями, не страдала от возмущающих ее голубиную непорочность явлений и действий, неизбежных в обыденной жизни? Мне припомнились тогда прекрасные стихи одного поэта:

Дар мгновенный, дар прекрасный,
Жизнь! зачем ты мне дана?

И мой впечатлительный друг перебил меня, продолжая дальше:

Ум молчит, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мне дана.

Мы пришли, наконец, к тому грустному заключению, что нам нужно расстаться. Мой добрый друг, подобно Голубю в басне Крылова, решил полететь в иные поля и приютиться в каком-нибудь скромном городке, основываясь на том убеждении, что чем тише и безмятежнее жизнь, тем меньше дразг, тем меньше порочных стремлений. Но, увы, и другу моему, как Голубю Крылова, пришлось страшно разочароваться. Вот что теперь он пишет мне:

«В нашей несчастливой Аркадии есть скромный городок и в нем богоугодное заведение. Цель

этого полезного учреждения очевидна для всякого. Но в упомянутом городке оно имеет и другое, особенное, сокровенное, так сказать, значение. Оно есть не что иное, как доходное имение, а больные крестьяне отданы в аренду смотрителю и врачу. Смотритель — человек старых времен, учившийся на медные деньги, но зато глубоко изучивший науку прятать концы и подводить верные итоги. Врач, Образинин, приехал из дальних стран, принес, говорят, инспектору посильную лепту — 500 рублей — и приютился на этом, как говорится, теплом местечке и теперь благоденствует.

Вся его медицинская деятельность заключается в том, что он свидетельствует неспособных нижних чинов, а это статья, весьма доходная для кармана. В этом случае доставляют доходы преимущественно лица, особенно старoverы, попавшие в рекруты и желающие освободиться от военной службы. Цена на представление в разряд неспособных различна, начиная от 10 и до 100 рублей, смотря по состоянию солдата и степени его здоровья: чем солдат здоровее, тем более должен заплатить. Здесь также принимается во внимание и разряд, в который представляют: 3-й разряд — дешевле, а 4-й — дороже.

Кроме денег, берут и натурою, так, напр., с одного солдата-еврея взяли 25 руб. сереб. и корову, а с другого — 10 р., да еще его родственник-каретник должен был дать напрокат тарантас, совершенно новый, который и был предложен почтенному патриарху наших медиков для объезда по губернии во время ревизии, чтоб его старым костям было покойно в дороге...

Посредниками между врачом и солдатами, желающими освободиться от службы, служит еврейка, доставляющая в заведение молоко и кур, да старший фельдшер, который составляет во всем, так сказать, правую руку. Еврейка обыкновенно уговаривается с солдатом, который за свое освобождение должен ей заплатить известную сумму, а она уже отправляется куда следует и дает три части из полученной суммы, а часть оставляет себе. Кроме этих двух главных посредников, есть и другие, как-то: переплетчики, портные, каретники и т. п. Таким образом, герои-арендаторы живут да поживают, и все, по-видимому, идет хорошо, между тем как больные и не одеты должным образом, и не продовольствуются как следует. Золотые времена для больницы наступают только тогда, когда ожидают какое-нибудь важное лицо, как, напр., корпусного командира внутренней стражи, окружного генерала или же какого-нибудь чиновника, присланного для ревизии; тогда декорация переменывается — раскрывается умильная картина, в коридорах застилают ковры, везде курят благовонными специями для очищения воздуха, служители надевают свои форменные, но в этом случае парадные, сюртуки и белые фартухи, больные также одеваются в самую лучшую новую одежду и получают великолепную пищу...

Но такие праздники бывают весьма редки и кратковременны, — по миновании беды начальники-арендаторы опять берутся за свое, и у больных снова являются разорванные халаты, рубахи, борщ со свеклою — среди лета, в то время, когда положена свежая капуста, — недoves в говядине...

«Но, — думал я, глядя на все эти неведомые миру дела, — ничто не вечно под луною, когда-нибудь же оно кончится...» Вдруг в одно прекрасное утро мне говорят, что Образинин получил орден Станислава...»

«Бедный мой друг!» — воскликнул я невольно, прочитав эти строки. Вот тебе и мирный уголок без дрязг, без порочных стремлений. Как бы утешился мой разочарованный друг, если б пожил хоть недельку в нашем скромном Чернигове: у нас совсем не то... «Обратим взоры наши на часть духовную! — восклицает один почтенный муж в своей статье о Чернигове. — Она, смиренно преуспевая, проповедует чистоту нравов и веру в бога. Возьмем в соображение, — говорит автор дальше, — места судебные, — они заняты лицами справедливыми, вежливыми.

Обратим внимание на часть административную,— она составлена из лиц деятельных, преданных долгу службы и совести. Взглянем на часть медицинскую,— она составлена из лиц сведущих, любящих свое призвание, неуклонных от справедливости и нередко безмездных. Обратим взгляды на прочие части управления и на жителей,— они честны и деятельны: доброе купечество пользуется небольшими процентами, доставляя необходимое и предметы роскоши для своих и окружных жителей; мещане и другие жители ведут жизнь тихую, богобоязненную; по праздникам церкви наполнены усердно молящимся народом; историй, драк, буйств в Чернигове не слышно, каждый идет назначенной ему стезею тихо, спокойно...»

Не правда ли, как все это верно и отрадно!

[1861]

Постійна адреса: http://ukrlit.org/hlibov_leonid_ivanovych/zametki_prostodushnogo